

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-117-132

Подъем Китая и российско-китайское сближение

Александр Игоревич САЛИЦКИЙ

доктор экономических наук, главный научный сотрудник, Центр проблем развития и модернизации

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, 117997,

Профсоюзная ул., д. 23, Москва, Российская Федерация

E-mail: sal.55@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6134-768X

Нелли Кимовна СЕМЕНОВА

кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Отдел экономических исследований

Институт востоковедения РАН, 107031, ул. Рождественка, д. 12, Москва, Российская Федерация

E-mail: semenovanelli-2011@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7872-8972

ЦИТИРОВАНИЕ: Салицкий А.И., Семенова Н.К. (2019) Подъем Китая и российско-китайское сближение // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 12. № 1. С. 117–132. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-117-132

Статья поступила в редакцию 09.11.2018.

АННОТАЦИЯ. В середине 2010-х гг. Китай продолжал впечатлять мир высокой динамикой, крупными социальными и научно-техническими достижениями. Страна меняется на глазах: многие ее регионы близки к завершению индустриализации и модернизации, переходя на путь интенсивного развития. Широким фронтом развернута научно-техническая, потребительская и экологическая революции. Внешнеэкономическая экспансия – составная часть новой реальности.

Внешнеэкономическая экспансия КНР как комплексное явление, включающее кредит и вывоз капитала, была инициирована государством и по-настоящему стартовала после вступления Китая в ВТО. С завершением модернизации она усили-

вается и приобретает свойства естественного процесса. В то же время Пекин сохраняет стремление к самообеспечению, особенно в технологической сфере. Несмотря на то, что в новом веке внешняя экспансия Китая в растущей мере опиралась на экономические и рыночные факторы, да и просто богатее население, она в середине 2010-х гг. столкнулась с противодействием стран Запада, особенно резким в политике США, подтвердив тезис о становлении новой bipolarности в международных отношениях.

Сближаясь с Китаем, Россия спокойно реагировала на китайскую экспансию; более того, на политическом уровне сформировалось представление о возможности значительного расширения взаимно-

го сотрудничества. Оно теперь охватывает многосторонний формат с участием стран Центральной Азии, сопряжение ЕАЭС и проекта «Один пояс, один путь».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Китай, модернизация, опора на собственные силы, внешнеэкономическая экспансия, экспорт капитала, ЕАЭС, «Один пояс, один путь»*

Начало XXI в. стало временем динамичного экономического роста Китая, сопровождаемого крупными структурными сдвигами, социальными достижениями, бурным научно-техническим прогрессом и усилением позиций страны в мировой экономике и политике. Подъем Китая нашел выражение и в неуклонно нарастающей и все более разнообразной внешней экспансии.

Период от начала хозяйственных реформ и старта политики открытости (1978 г.) до вступления Китая в ВТО в 2001 г. был временем осторожной адаптации к мировой экономике. На рубеже тысячелетий Пекин выдвинул курс «выхода в мир» («цзоу чу цюй»). Эта политика перехода к освоению мирового хозяйства, как оказалось, не означала отхода от осуществлявшейся при Мао Цзэдуне доктрины «опоры на собственные силы» («цзы ли гэн шэн») и ее более поздних редакций, в том числе «локализации производства в стране» («гочаньхуа»).

Параметры подъема

За семнадцать лет нового столетия номинальный ВВП Китая вырос более чем в 10 раз. Пик темпов роста пришелся на одиннадцатую пятилетку (2006–2010 гг.), когда хозяйство страны отли-

чали очень высокая норма накопления и огромные масштабы инфраструктурного строительства. В годы двенадцатой пятилетки (2011–2015 гг.) некоторое замедление экономической динамики означало переход к интенсивному развитию и приближение Китая к завершению модернизации как форсированному росту с преимущественной опорой на промышленность.

Так, в этот период снижалась энергоёмкость ВВП (на 19% за годы двенадцатой пятилетки и 3,7% в 2017 г.), в хозяйстве происходили крупные структурные сдвиги. Доля промышленности в ВВП с 46,6% в 2010 г. снизилась до 40,6% в 2017 г., удельный вес сферы услуг за тот же период увеличился с 43,6% до 51,2%. Занятость в промышленности сохранилась на одном уровне (примерно 29%), в услугах она возросла с 34,6% до 44% [Key Indicators for Asia and the Pacific 2018, pp. 81–83, 101].

Сокращалась и доля сельского хозяйства в ВВП и занятости, в период с 2000 г. до 2017 г. она снизилась с 15% до 8% и с половины до четверти, соответственно. Это – решающий сдвиг. Для сравнения заметим, что в 1990 г. доля занятых в сельском хозяйстве Республики Корея (которая может служить примером завершённой еще в 80-е гг. прошлого столетия модернизации) составляла 18%, а доля отрасли в ВВП – 8,7%.

Китай стремительно урбанизируется. В 2011 г. городское население в КНР превысило сельское, а в 2017 г. доля горожан достигла 58,5%. Это выше, чем в ряде европейских стран (Словении, Румынии, Сербии, Хорватии)¹.

Об интенсивном характере роста свидетельствует, наконец, и то, что прирост ВВП главным образом дости-

1 Human Development Report 2015. New York: UNDP, pp. 233–234 // http://hdr.undp.org/sites/default/files/2015_human_development_report.pdf, дата обращения 31.01.2019.

гается за счет увеличения производительности труда. В 2015 г. оно составило 6,6%, в 2016 г. – 6,5%, в 2017 г. – 6,7%.

По уровню и особенно динамике роста доходов населения Китай выделяется даже на фоне успешных стран Восточной и Южной Азии (табл. 1). За семнадцать лет КНР увеличила отрыв от Индии, Индонезии и Шри-Ланки, обошла Таиланд и Филиппины, вплотную приблизившись к Малайзии, которой в начале века уступала вчетверо.

В 2015 г. КНР стала ведущей торговой державой мира. Это событие, однако, не означало усиления зависимости Китая от мирохозяйственных связей: увеличение его присутствия в мировой экономике происходило просто пропорционально росту внутреннего продукта. Так, в 2000–2017 гг. экспорт КНР увеличился в 9,1 раза, т.е. практически в той же мере, в какой увеличились подушевые доходы населения. Иными словами, в наши дни Китай втянут в мировую экономику не больше, чем это было в начале века, но при этом оказывает на нее куда более мощное воздействие.

Кроме того, экспорт КНР теперь в значительно большей мере опирается на изготовленные внутри страны компоненты и узлы, доля давальческой торговли в вывозе за семнадцать лет сократилась с 55 до 32%.

Относительно новым явлением стал масштабный вывоз капитала из КНР, причем в 2016 г. объем прямых зарубежных инвестиций впервые превысил объем реализованных в КНР иностранных капиталовложений.

Замедление темпов роста в современном Китае рассматривается как закономерное и даже желательное явление (на официальном уровне принята формула «средневысоких» темпов). Происходит переключение внимания на социальную ситуацию, перераспределение доходов. Увеличивается доля госрасходов в ВВП: с 16,1% в 2000 г. до 24,6% в 2017 г. Рост с усилением равенства известен нам из европейского, а также тайваньского опыта политики модернизации в 70-е гг. прошлого века. Теперь этот опыт повторяет КНР, относительно успешно преодо-

Таблица 1. Показатели дохода и темпы роста в странах Азии
Table 1. Income and growth in Asia

	ВВП на душу населения в 2000 г., долл. США / GDP per capita in 2000, USD	ВВП на душу населения в 2017 г., долл. США / GDP per capita in 2017, USD	Средний прирост ВВП в 2012–2017 гг., % / Average GDP growth in 2012-2017, %
КНР / China	956	8 804	7,3
Индия / India	475	1 957	6,9
Индонезия / Indonesia	800	3 878	5,3
Филиппины / Philippines	1 055	2 989	6,6
Таиланд / Thailand	2 031	6 725	3,5
Малайзия / Malaysia	3 993	9 828	5,2
Казахстан / Kazakhstan	1 229	8 856	3,6
Шри-Ланка / Sri Lanka	863	4 065	5,0
Тайбэй, Китай / Taipei, China	14 943	24 511	2,2

Подчитано по: [Key Indicators for Asia and the Pacific 2018].

левая бедность и нищета. Это в свою очередь становится фактором сохранения средневысоких темпов роста – известно, что рынки с более равномерным распределением доходов являются и более емкими.

Другая важная цель – повышение технологического уровня развития, выведение на передовые позиции обрабатывающей промышленности. Немалая роль отведена выдвинутой в 2015 г. программе «Создано в Китае – 2025», в отличие от привычного «Сделано в Китае», она предполагает преимущественно самостоятельное производство высокотехнологичной продукции. Среди приоритетов программы роботизация промышленности, выпуск оборудования для аэрокосмической отрасли, транспорт на новых источниках энергии и т.п.

Программа начала претворяться в жизнь. Так, в 2017 г. на 690 тыс. единиц (рост на 51,2%) увеличился выпуск автомобилей на новых источниках энергии, на 130 тыс. шт. (рост на 81%) – производство промышленных роботов, на 2,9 млн шт. (67%) – дронов гражданского назначения.

Примерно вдвое более высокими темпами, чем в среднем по промышленности, увеличивается выпуск высокотехнологичной продукции, опережающими темпами растет и производство промышленного оборудования.

В программе «Создано в Китае – 2025» довольно четко просматриваются элементы замещения импорта, а также государственного стимулирования производства, что вызвало немалые нарекания западных партнеров (подробнее ниже). Однако эта программа вполне естественна для привычной китайцам «опоры на собственные силы», же-

лания снизить зависимость от зарубежных поставщиков критически важных технологий и компонентов. Программа имеет и непосредственный выход на внешнюю экспансию, обостряя интерес китайских корпораций к приобретению за рубежом соответствующих активов.

Рост доходов и, в первую очередь, заработной платы способствует теперь выталкиванию капиталов за рубеж, в том числе в поисках более дешевой, чем в Китае, рабочей силы. Аналогичную роль играет экологическая революция, широко развернувшаяся в Китае во втором десятилетии текущего века. Старые отрасли промышленности (добывающая индустрия, металлургия, производство стройматериалов и т.п.) начинают выносить мощности за рубеж.

Институционально экспорт капитала в основном осуществлялся государственными корпорациями, ставшими пионерами внешней экспансии в первом десятилетии века (она в основном ориентировалась на обеспечение страны топливом и сырьем). Немаловажно и то, что вывоз капитала опирался на мощную кредитную поддержку китайских госбанков и различных фондов.

Тем не менее в приобретении зарубежных активов в нынешнем десятилетии стремительно нарастает доля частного капитала (порядка 55% в настоящее время), одновременно куда более диверсифицированной по отраслям становится и структура зарубежных инвестиций.

Ширится вывоз средств гражданами КНР. Так, в 2016 г. китайцы приобрели в США жилой недвижимости на сумму 27 млрд долл.² Треть закупок пришлось на Калифорнию, при

2 California Dreamin': How Chinese Investors Are Pumping Billions into the US West Coast (2018) // South China Morning Post, July 20, 2018 // <http://www.scmp.com/news/world/united-states-canada/article/2022425/california-dreamin-how-chinese-investors-are-pumping>, дата обращения 31.01.2019.

этом стоимость одного дома (порядка 1 млн долл.) четверо превышает среднеамериканский показатель.

Специфически китайским институтом внешней экспансии стали конструктивные связи с зарубежной диаспорой. Она быстро обновляется за счет притока из КНР и в целом благодетельнее, чем раньше, относится к Пекину. Рубежным событием здесь стали события в Ливии в 2011 г., когда эвакуация мирно трудившихся китайских граждан из подвергшейся агрессии Запада страны получила однозначную оценку хуацяо.

Реакция на китайскую экспансию

Картина международной реакции на внешнеэкономическую экспансию КНР в середине 2010-х гг. выглядела достаточно пестрой. Наиболее благоприятной она была в африканских странах, более сдержанной – в Латинской Америке, относительно нейтральной – в азиатских странах, где наибольшие подозрения по ее поводу питали Индия и Вьетнам. Самыми яркими критиками Пекина оказались западные страны, и прежде всего США, перешедшие в 2018 г. к открытому экономическому и технологическому сдерживанию Китая.

Отдельные исследователи, отмечая топливно-сырьевую привязку значительной части китайской экспансии, упрекают Пекин в «субимпериализме» [Bond 2016]. Здесь, по-видимому, стоит уточнить, что ресурсный вектор китайской экспансии реализуется в условиях, когда основные источники топлива и сырья уже поделены, в том числе между ТНК, и Пекину приходится предлагать странам-владельцам более выгодные условия, чем те, что они имеют.

Часто подвергается необоснованной критике программа экономического содействия Пекина развивающимся странам (с 2011 г. Китай является нетто-донором официальной помощи развитию), в том числе по геополитическим причинам. Еще в 2007 г. британский исследователь Йен Тэйлор отмечал: «Китай пришел в Африку, потому что другие регионы были для него закрыты. На Ближнем Востоке, столь богатым углеводородами, доминируют американцы, поэтому Пекину ничего не оставалось, кроме как искать регион, в котором мало кто был на самом деле заинтересован. Ему пришлось идти в Африку и договариваться как с демократами, так и с диктаторами. И сейчас, когда Китай здесь усилился, это вызывает серьезные опасения в Вашингтоне и в европейских столицах, которые привыкли к тому, что именно они оказывают влияние на дела в Африке. А тут появляется третья сила, из-за которой весь геополитический расклад меняется» [Taylor 2007].

Говоря же в целом, следует заметить, что внешняя экспансия КНР отличается тем, что ориентирована не только на получение прибыли. Не меньшую роль играет стремление восполнить дефициты и лакуны в относительно целостном народном хозяйстве с попутным использованием имеющихся сравнительных преимуществ. Таковыми, например, являются опыт и мощности строительного комплекса, осуществившего гигантский инфраструктурный проект внутри страны.

Китай не особенно скрывает намерение иметь «все свое» – это можно признать естественным для страны с населением почти в 1,4 млрд чел. Вдохновляет на такую политику не только традиция, но и нынешний протекционизм американской администрации. Парадоксально другое – чем более выражено экономическими и рыночными

ми мотивами руководствовались китайские участники внешней экспансии и чем шире становился круг таких участников, тем более негативным становилось отношение к Китаю со стороны Вашингтона. Возможно, дело здесь просто в масштабах китайской экспансии и лишь отчасти – в величине дефицита США в американо-китайской торговле товарами, который продолжал увеличиваться в 2018 г., несмотря на тарифную войну Д. Трампа (табл. 2).

Известно между тем, что особо крупное отрицательное сальдо торговли США с Китаем имеет смешанное происхождение: многие китайские предприятия с иностранным участием представляют собой лишь сборочную площадку, на которой узлы и детали, импортируемые из Восточной Азии, приобретают окончательную товарную форму. Используют эту площадку и корпорации из Европы и США. Как уже отмечалось, давальческая торговля составляет треть экспорта КНР и имеет тенденцию к сокращению.

Обозреватель одного из ведущих гонконгских изданий отмечает, что 12% экспорта Китая в США приходится на базирующиеся в Китае американские компании. Еще 30% этого «пирога» досталось тайваньским производителям [Aidan Yao 2018]. Всего же на долю инофирм приходится около 60% китайского вывоза в США.

Кроме того, американские корпорации продают изготовленные в Китае товары на местном рынке. Общая стоимость этих изделий оценивается в 200 млрд долл., т.е. сумму, вполне сопоставимую с дефицитом США по торговым операциям.

Отметим, что, в отличие от торговли товарами, торговля услугами между двумя странами складывается со значительным и растущим активом у США. В 2017 г. он составил рекордную величину – 40,2 млрд долл., опережающими темпами рос доход от экспорта интеллектуальной собственности.

У КНР в международной торговле услугами складывается значитель-

Таблица 2. Торговля КНР с основными партнерами в 2018 г., млрд долл., %
Table 2. China's trade with major partners in 2018, billion dollars, %

	Экспорт / Export		Импорт / Import		Баланс / Balance Млрд долл. / Billion dollars
	Млрд долл. / Billion dollars	в % к 2017 / in % by 2017	Млрд долл. / Billion dollars	в % к 2017 / in % by 2017	
Всего / Total	2 487	9,9	2 136	15,8	+351
ЕС (28) / EU (28)	409	9,8	274	11,7	+135
США / USA	478	11,3	155	0,7	+323
АСЕАН / ASEAN	319	14,2	269	13,8	+50
Япония / Japan	147	7,2	181	8,9	-34
Южная Корея / South Korea	109	5,9	205	15,3	-96
Гонконг / Hong Kong	302	8,2	8	16,0	+294
Тайбэй, Китай / Taipei, China	49	10,6	178	13,9	-129
Россия / Russian Federation	48	12,0	59	42,7	-11

Данные ГТУ КНР: <http://www.customs.gov.cn/customs/302249/302274/302275/2166513/index.html>

ный дефицит (около 300 млрд долл. в 2018 г.), размер которого приближается к активу в торговле товарами. Иными словами, пропорции торговли товарами и услугами формируются в соответствии с объективными возможностями сторон, на что неизменно указывают многие комментаторы, в т. ч. в США и самом Китае.

Не исключено, что причины торгового конфликта коренятся глубже. На него можно посмотреть как на проявление сложившейся новой биполярности «США – Китай», возникшей, по-видимому, после глобального финансового кризиса 2008–2009 гг. [Барский, Салицкий 2012].

Экономическая экспансия Китая не воспринимается как естественное мирохозяйственное явление, закономерное свойство нынешнего этапа развития этой страны. Модернизированный, политически особый, сравнительно обособленный, независимый и все более влиятельный Китай рассматривается политической элитой США как угроза национальным интересам. Подъем Китая, «несомненно, подвергает риску национальную безопасность и экономические интересы США, их союзников и партнеров», – отмечается в докладе комиссии Конгресса³.

Определенную роль в торговом конфликте сыграл и субъективный фактор. Сразу после избрания на пост президента США Дональд Трамп выбрал экономиста Питера Наварро в качестве советника по торговле – он возглавил специально созданный Национальный торговый совет Белого дома. «Еще несколько лет назад я прочитал одну из книг Питера о проблемах американской торгов-

ли и был впечатлен четкостью его аргументов и тщательностью исследований», – сообщил Трамп и подчеркнул, что П. Наварро будет играть в его администрации незаменимую роль⁴.

Перу П. Наварро принадлежат две книги о Китае (их автор не является профессиональным китаеведом), которые вышли в 2006 и 2011 гг. [Наварро 2007; Наварро, Отри 2017]. Обе книги переведены на русский. Авторы обвиняют Китай в манипулировании курсом валюты, субсидировании экспорта и демпинге, промышленном пиратстве, массовом экспорте наркотиков, подделке лекарств и т.п. «Именно из-за этого изобилия экономически обусловленных конфликтов нам и нашим детям предстоит вести с Китаем целую серию взаимосвязанных войн на многих фронтах», – заключает П. Наварро.

Как бы то ни было, но осенью 2018 г. под новыми дополнительными тарифами оказались товары китайского экспорта в США стоимостью 250 млрд долл. – исторически беспрецедентная сумма. Ответные меры Пекина затронули импорт из США на 110 млрд долл., т.е. примерно 70% товарного ввоза из этой страны.

Пока еще рано судить о размере ущерба, который понесет внешняя торговля обоих государств и их экономика от торгового конфликта. Но можно с определенностью сказать, что само его развязывание является своеобразным признанием Китая как нового полюса в мировой экономике и политике, серьезности его критизации на лидерство в глобализации.

Логика противостояния Пекину давно распространена Вашингтоном на

3 Churchill O. (2018) New Report to US Congress Supports an Increasingly Hawkish View on China // South China Morning Post, November 17, 2018 // <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/2173065/new-report-us-congress-supports-increasingly-hawkish-view-china>, дата обращения 31.01.2019.

4 Трамп выбрал советником по торговле автора книги «Смерть от Китая» (2016) // Lenta.ru. 22 декабря 2016 // <https://lenta.ru/news/2016/12/22/navarro/>, дата обращения 31.01.2019.

зарубежные китайские инвестиции – как в сферу энергетики, так и в технологические приобретения. Введение ограничений на технологически значимые приобретения китайских корпораций предлагают и некоторые европейские эксперты [Godement, Vasselier 2017]. Общим фоном для этого служат обвинения в адрес Китая по поводу воровства технических секретов, принуждения работающих в КНР иностранных компаний к передаче технологий, хакерства и т.п.

Китаю, похоже, надолго отказано и в рыночном статусе. Более того, в недавнем соглашении США с Канадой и Мексикой прямо оговаривается возможность фактического вето США на соглашения двух других партнеров о свободной торговле с «нерыночной экономикой», под которой подразумевается Китай.

Дискриминационные и произвольные меры США явно нарушают принципы ВТО, против Китая вводятся и новые, весьма болезненные санкции. Так, уязвимость отдельных китайских компаний с точки зрения импорта необходимых компонентов из США использовалась в случае с введением в 2017 г. санкций против государственной ZTE – якобы сотрудничавшей с Ираном и КНДР. Санкции были сняты в мае 2018 г., однако китайская корпорация оказалась близка к остановке деятельности и понесла значительные убытки. В конце 2018 г. Вашингтон развернул атаку против китайской компании Huawei.

Эти случаи, скорее всего, послужили для Пекина еще одним аргументом в пользу необходимости иметь «все свое». Например, Китай сильно зависит от ввоза интегральных микросхем

(260 млрд долл. в 2017 г., крупнейшая статья импорта), составляющего 70% их суммарного потребления в стране. Попытки же приобретения крупных зарубежных производителей микрочипов успеха пока не имели. В результате программа «Создано в Китае – 2025» предусматривает рост самообеспечения по этой статье до 80%.

Налицо, таким образом, некоторое торможение процесса глобализации: США стремятся ограничить естественную китайскую экспансию, Китай же остается верен доктрине «опоры на собственные силы», хотя и активно ратует теперь за свободу торговли.

Одним из косвенных следствий китайско-американского конфликта уже стало резкое и повсеместное увеличение ограничительных мер торговой политики в 2018 г.⁵

Российско-китайское сближение

Российско-китайское сотрудничество в новом веке развивалось по восходящей. После подписания договора 2001 г., окончательно нормализовавшего отношения, стороны в растущей мере обнаруживали близкие или идентичные подходы к современному мироустройству и прилагали немалые усилия к обогащению диалога новыми направлениями – будь то сотрудничество во вновь созданных международных организациях (ШОС), контакты между силовыми структурами или культурные связи. Общим мнением было признание экономического взаимодействия относительно отставшей частью отношений, хотя и здесь есть достижения: в 2000–2017 гг.

5 Мониторинг актуальных событий в области международной торговли № 21 (2018) // Всероссийская Академия внешней торговли // <http://www.vavt.ru/materials/site/5D00014D>, дата обращения 31.01.2019.

товарооборот вырос более чем в 10 раз (с 8 до 84 млрд долл.), т.е. чуть больше, чем рост внешней торговли Китая в целом. В 2018 г. торговля двух стран заметно выросла и достигла 107 млрд долл.

Заметим, что сближение уровней индивидуальных доходов в Китае и России, а также сам подъем Китая являются потенциально благоприятными факторами для развития взаимовыгодных двусторонних отношений. Однако значительная разница в масштабах хозяйств ставит определенные проблемы с точки зрения реального равноправия сторон и их зависимости друг от друга.

С другой стороны, на мировом рынке Китай предъявляет растущий и устойчивый спрос на традиционные товары российского экспорта (в 2018 г. общий китайский импорт нефти вырос на 10%, а природного газа на 32%), обладает ценным опытом воплощения инноваций в форму промышленной продукции, обладает теперь высоким технологическим потенциалом. Иными словами, подъем Китая открывает для нашей страны немалые дополнительные возможности (в том числе в плане диверсификации и замещения импорта), особенно ценные в условиях кризиса в отношениях с Западом.

Многое зависит от общего климата отношений. В середине 2010-х гг. близость подходов Китая и России к основным проблемам современного мира была усилена ростом давления Вашингтона на Пекин и Москву, вынуждающим их искать противовесы [Салицкий, Семенова (1) 2016]. Среди аналитиков завязалась дискуссия о возможности или необходимости заключения между Пекином и Москвой военного союза. Среди сторонников можно отметить Янь Сюэтуна, связывающего такой альянс с новой биполярностью мира [Yan Xuotong 2013]. Другой китайский аналитик, Фэн Хуэйюнь, считает, что если линия США бу-

дут слишком жесткой в вопросах нефтяных цен, Украины и продвижения НАТО, если перебалансировка против Китая на Тихом океане пойдет слишком далеко, «то все это может привести Россию и Китай к формальному союзу, даже учитывая, что подобный союз и не является их первоочередной целью» [Feng Huiyun 2015]. Фу Ин, наоборот, полагает подобный союз противоположным внеблоковой стратегии Китая [Fu Ying 2016].

Эксперт по вопросам безопасности Ричард Вейц отмечал, что США могут предпринять энергичные попытки введения санкций с целью ограничения российско-китайского военно-технического сотрудничества (такие санкции были введены 20 сентября 2018 г.). «Однако, – пишет Р. Вейц, – такая стратегия содержит риск еще большего сближения России и Китая» [Weitz 2017]. Близкое понимание проблемы у Роберта Саттера, считающего, помимо прочего, что «политика и поведение США являются наименее определенной переменной, оказывающей влияние на российско-китайские отношения» [Sutter 2018].

Многие аналитики считают, что препятствием к созданию российско-китайского альянса служат глубокие противоречия между сторонами в Центральной Азии (ЦА). Представляется, что это некоторое преувеличение конфликтного потенциала между КНР и РФ.

Пекин проводит «политику приспособления к изменяющейся обстановке» и всячески старается подчеркнуть тот факт, что всегда учитывает интерес российской стороны к странам региона. «Мягкое соперничество» стратегических партнеров в ЦА не воспринимается ими как повод для конфронтации.

При этом сферами пересечения интересов стратегических партнеров в регионе являются: доступ к энергоресурсам и участие в создании инфраструк-

туры нефтегазовой сферы; контроль над стратегическими отраслями промышленности; получение максимально благоприятных условий для инвестирования в экономику региона и возможности поставок вооружения центральноазиатским государствам; усиление геополитического влияния в ЦА; создание благоприятного имиджа своей страны в общественном мнении местного населения [Аристова, Семенова 2016].

Геополитический фактор здесь играет ключевую роль. Россия предпринимает попытки возвращения в регион в качестве лидера интеграционных процессов. При этом и Россия, и Китай стремятся к минимизации западного экономического, политического и военного присутствия. Пекин также озабочен вопросами безопасности и развития своих «тылов»: СУАР и других западных провинций. Борьба с наркотрафиком и терроризмом в ЦА является объединяющим фактором для РФ и КНР [Аристова, Семенова 2017].

Очевидно, что Россия, признающая важность региона ЦА для усиления своих международных позиций, не может сегодня рассчитывать только на сохраняющиеся со времен СССР межгосударственные и межкультурные связи.

В этом контексте современный прагматичный подход КНР позволяет Пекину достаточно эффективно заполнять пустоты в экономических и культурных нишах. Политика Китая заключается в последовательном развитии экономического сотрудничества на двустороннем уровне с государствами ЦА и поддержании политической стабильности в регионе [Семенова 2018].

Взаимное дополнение есть и в транспортной сфере. Россия и страны

ЦА заинтересованы в развитии транспортного направления на Иран, Ближний Восток, в перспективе – на Индию и развивают меридиональные коридоры по направлению Север – Юг. Китайская инициатива «Один пояс – один путь» направлена на продвижение широтных транспортных коридоров с востока на запад [Байкинова 2015].

Транссибирский маршрут, проходящий по территории РФ на 84%, является основой евразийского транзитного потенциала России. На текущий момент, по оценкам экспертов, магистраль находится на пороге предела пропускной способности. На модернизацию Транссиба и БАМа запланировано выделить 560 млрд руб. Реконструкция смогла бы увеличить пропускную способность обоих маршрутов к 2020 г. до 124,4 млн тонн в год⁶. Даже при этом взаимовыгодные условия транзита через территорию РФ ставятся под сомнение зарубежными партнерами: сказывается тарифная конкуренция с морскими перевозками, отсутствие электронной таможни, а также правовой базы международного грузового транзита.

Для России экономически выгодна диверсификация маршрутов через ЦА в рамках китайской инициативы Экономического пояса Шелкового пути. Некоторые эксперты считают, что центральноазиатские маршруты могут стать основным конкурентом для Транссиба в транзитных перевозках уже в краткосрочной перспективе. Но надо иметь в виду, что северный коридор экономического пояса на протяжении 2,7 тыс. км проходит по российской территории и составляет 25% от длины маршрута (49% с учетом тер-

6 Злобин Д. (2016) Реконструкция Транссиба может не оправдать потраченных на нее миллиардов // Наша версия. 3 октября 2016 // <https://versia.ru/rekonstrukciya-transsiba-mozhet-ne-opravdat-potrachennyx-na-neyo-milliardov>, дата обращения 31.01.2019.

ритории ЕАЭС). Активное участие в маршруте может сделать Россию ключевым партнером Китая [Аристова, Семенова 2017].

У Китая есть явный интерес к стабилизации региона и его успешному экономическому развитию, ведь, помимо прочего, регион превратился в стратегически важного поставщика энергоресурсов в КНР. Можно согласиться с мнением, что это не повлияло на российско-китайское сближение и привело к образованию в ЦА «китайско-российского кондоминиума, который обеспечивает интересы Москвы и дополняет структуру двусторонних отношений» [Rumer 2017].

С разворотом России на Восток растет число проектов, в которых сотрудничество двух наших стран выглядит современным, технологически насыщенным и соответствующим лучшим возможностям сторон. Есть и относительно простые возможности диверсификации кооперации, связанные с достижениями и перестройкой китайского хозяйства, в том числе под воздействием торгового конфликта с США. В частности, обратим внимание на то, что КНР становится крупным импортером продовольствия и зерна. Восполнение нехватки продовольствия, которая вбирает в себя два фундаментальных дефицита азиатского хозяйства – пашни и воды, представляется естественным направлением специализации российского хозяйства.

Одно из ключевых слов в китайском опыте развития в нынешнем веке – инфраструктура (жесткая и мягкая), и именно вокруг этого понятия выстроен проект пояса и пути. Идея прида-

ния новых импульсов экономическому развитию за счет инфраструктурного толчка в принципе не нова, но для внутриконтинентальных районов Евразии она неизменно актуальна. Внове инженерная, строительная и финансовая мощь Китая – сообразная сложности инфраструктурного освоения гигантского пространства со сложнейшим рельефом.

Мартовский (2018 г.) меморандум Д. Трампа о борьбе с экономической агрессией Китая⁷, дополненный июньским докладом Бюро по торговле и промышленности Белого дома [How China's Economic Aggression 2018], означал прямо противоположное – развязывание торгово-экономической войны против КНР. Реагируя на китайскую экспансию ограничительными мерами, Вашингтон одновременно фактически уступает Пекину лидерство в экономической глобализации в Евразии. Эта новая роль Китая ему непривычна и нуждается в тщательном анализе, но уже очевидно, что она к выгоде России, имеющей с Китаем особые, доверительные отношения. К выгоде России и усиление геополитических мотивов в международном курсе Пекина. Наконец, высокий инвестиционно-финансовый тонус КНР в ходе начавшейся материализации концепции пояса и пути способен сдвинуть и инвестиционный настрой российского бизнеса.

Список литературы

Аристова Л.Б., Семенова Н.К. (2016) Сводный аналитический доклад при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского про-

7 Remarks by President Trump at Signing of a Presidential Memorandum Targeting China's Economic Aggression (2018) // White House, March 22, 2018 // <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-signing-presidential-memorandum-targeting-chinas-economic-aggression/>, дата обращения 31.01.2019.

екта № 15-07-00038 // Институт Востоковедения // <https://book.ivran.ru/f/aristova-lb-semenova-nk-2-ya-chast-geopoliticheskij-shans-rossii--transportnaya-sistema-v-formate-rf.pdf>, дата обращения 31.01.2019.

Аристова Л.Б., Семенова Н.К. (2017) Геополитический шанс России: транспортная система в формате РФ-КНР-Центральная Азия. М.: Белый ветер.

Байкинова А. (2015) Китайское чудо. Поднебесная теснит Россию в ЦА // Капитал-Казахстан. 29 октября 2015 // <http://kapital.kz/world/44984/kitajskoe-chudo.html>, дата обращения 31.01.2019.

Барский К.М., Салицкий А.И. (2012) Полицентризм современного мира и новая биполярность как возможный сценарий глобального развития // Мир и политика. № 7(70).

Ван Цзикуань (1988) Предисловие к монографии Лу Линьшу «Вай сясин цзинци юй Чжунго цзинци фачжань» (Открытая экономика и развитие хозяйства Китая). Пекин (на китайском языке).

Виноградов А.О., Салицкий А.И. (2017) БРИКС: на пути к партнерству // Перспективы. 2 ноября 2017 // http://www.perspektivy.info/oikumena/ekdom/briks_na_puti_k_partnerstvu_2017-11-02.htm, дата обращения 31.01.2019.

Лапин Н.И. (2012) Измерение модернизации российских регионов и социокультурные факторы ее стратегии // Социологические исследования. № 2. С. 4–23 // http://www.isras.ru/files/File/Socis/2012_9/Lapin.pdf, дата обращения 31.01.2019.

Михеев В., Луконин С., Чже С. (2015) Многовариантность: большой стратегический ответ Си Цзиньпина // Мировая экономика и международные отношения. Т. 59. № 12. С. 5–14 // https://www.imemo.ru/jour/meimo/index.php?page_id=685&id=7103, дата обращения 31.01.2019.

Наварро П.У. (2007) Грядущие войны Китая. Поле битвы и цена победы. М.: Вершина.

Наварро П.У., Отри Г.У. (2017) Смерть от Китая. Лицом к лицу с драконом. М.: Синосфера.

Салицкий А.И., Потапов М.А., Чжао Синь (2016) Китай: новая фаза развития // Перспективы. 22 февраля 2016 // http://www.perspektivy.info/oikumena/azia/kitaj_novaja_faza_razvitiya_2016-02-22.htm, дата обращения 31.01.2019.

Салицкий А.И., Семенова Н.К. (1) (2016) Россия и евроазиатский проект Китая // Азия и Африка сегодня. № 7. С. 2–10 // https://asaf-today.ru/images/AA_nomers/2016/201607/Salickiy%20Rossiya%20i%20kitaiskiy%20proekt.pdf, дата обращения 31.01.2019.

Салицкий А.И., Семенова Н.К. (2) (2016) Шелковое наступление Китая // Перспективы. 11 января 2016 // http://www.perspektivy.info/book/shelkovoje_nastuplenije_kitaja_2016-01-11.htm, дата обращения 31.01.2019.

Семенова Н.К. (2018) Российско-китайское взаимодействие в Центральной Азии: нефтегазовые аспекты. М.: ИВ РАН.

Хэ Чуаньци и др. (2011) Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010). М.: Весь мир.

Шлезингер-младший А.М. (1992) Циклы американской истории. М: Прогресс-Академия.

Aidan Yao (2018) Retaliate, Reform, Liberalise: the Three Ways China Will Respond to New US Tariffs // South China Morning Post, July 18, 2018 // <https://www.scmp.com/business/article/2155691/retaliate-reform-liberalise-three-ways-china-will-respond-new-us-tariffs>, дата обращения 31.01.2019.

Bond P. (2016) BRICS Banking and the Debate over Sub-imperialism // Third World Quarterly, vol. 37, no 4, pp. 611–629. DOI: 10.1080/01436597.2015.1128816

Feng Huiyun (2015) Will China and Russia Form an Alliance Against the United States? Copenhagen: Danish Institute for International Studies // http://www.diis.dk/files/media/publications/publikationer_2015/diis_report_07_the_new_geostrategic_game_web.pdf, дата обращения 31.01.2019.

Fu Ying (2016) How China Sees Russia // Foreign Affairs, vol. 95, no 1, pp. 96–105 // <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2015-12-14/how-china-sees-russia>, дата обращения 31.01.2019.

Gedement F., Vasselier A. (2017) China at the Gates: a New Power Audit of EU-China Relations, The European Council on Foreign Relations.

How China's Economic Aggression Threatens the Technologies and Intellectual Property of the United States and the World (2018) // White House Office of Trade and Manufacturing Policy, June 2018 // <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2018/06/FINAL-China-Technology-Report-6.18.18-PDF.pdf>, дата обращения 31.01.2019.

Key Indicators for Asia and the Pacific (2018) // Asian Development Bank, September 2018 // <https://www.adb.org/publications/key-indicators-asia-and-pacific-2018>, дата обращения 31.01.2019.

Rumer E.B. (2017) Russia's China Policy: This Bear Hug Is Real // Russia-China Relations: Assessing Common Ground and Strategic Fault Lines. The National Bureau of Asian Research (NBR). Special Report, no 66, pp. 13–25 // https://carnegieendowment.org/files/SR66_Russia-ChinaRelations_July2017.pdf, дата обращения 31.01.2019.

Sutter R. (2018) China-Russia Relations. Strategic Implications and U.S. Policy Options // The National Bureau of Asian Research (NBR). Special Report, no 73 // https://www.nbr.org/wp-content/uploads/pdfs/publications/special_report_73_china-russia_cooperation_sep2018.pdf, дата обращения 31.01.2019.

Taylor I. (2007) China and Africa: Engagement and Compromise, New York.

Weitz R. (2017) Sino-Russian Security Ties // Russia-China Relations: Assessing Common Ground and Strategic Fault Lines. The National Bureau of Asian Research (NBR). Special Report, no 66, pp. 27–36 // https://carnegieendowment.org/files/SR66_Russia-ChinaRelations_July2017.pdf, дата обращения 31.01.2019.

Yan Xuetong (2013) Inertia of History: China and the World in the Next Ten Years, Beijing: China CITIC Press.

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-117-132

Rise of China and Russian-Chinese Rapprochement

Alexander I. SALITSKY

DSc in Economics, Chief Researcher, Center for Development and Modernization Problems

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, 117997, Profsoyuznaya St., 23, Moscow, Russian Federation

E-mail: sal.55@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6134-768X

Nelli K. SEMENOVA

PhD in Politics, Senior Researcher, Economic Research Department

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 107031, Rozhdestvenka St., 12, Moscow, Russian Federation

E-mail: semenovanelli-2011@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7872-8972

CITATION: Salitsky A.I., Semenova N.K. (2019) Rise of China and Russian-Chinese Rapprochement. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 12, no 1, pp. 117–132 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-117-132

Received: 09.11.2018.

ABSTRACT. *By the mid-2010's China has continued to impress the world with high economic dynamics, major achievements in social transformation, development of science and technology. The fifth generation of Chinese leaders is determined to offer the country a serious update that signifies, as authors believe, a transition to a new stage of evolution. This stage is characterized by accomplishment of modernization and transition to intensive development, consumer, techno-scientific and ecological revolution. Global economic expansion is an integral part of the new reality.*

China's global expansion is of complex nature including credit and overseas investment. Initially it was started by the state after accession to WTO and becomes both more intensive and natural with accomplishment of modernization. At the same time, Beijing stresses

the need of self-reliance, particularly in technology.

Although in new century China's expansion to the growing extent was based on economic and market forces including prospering population, by the mid-2010's it met sharp opposition in the West, notably, the US. That confirmed the notion of emerging new bipolarity in international relations.

Moving closer to China, Russia reacted peacefully to Chinese expansion, moreover, a vision of deepening mutual interaction has formed at the political level. This interaction includes multilateral format including countries of Central Asia, interconnection of Eurasian Economic Union with the "Belt and Road" Initiative.

KEY WORDS: *China, modernization, foreign economic expansion, export of capital, EAEU, Silk Belt*

References

- Aidan Yao (2018) Retaliate, Reform, Liberalise: the Three Ways China Will Respond to New US Tariffs. *South China Morning Post*, July 18, 2018. Available at: <https://www.scmp.com/business/article/2155691/retaliate-reform-liberalise-three-ways-china-will-respond-new-us-tariffs>, accessed 31.01.2019.
- Aristova L.B., Semenova N.K. (2016) *Consolidated Analytical Report with the Financial Support of the Russian Humanitarian Science Foundation in the Framework of the Research Project No. 15-07-00038*. Available at: <https://book.ivran.ru/f/aristova-lb-semenova-nk-2-ya-chast-geopoliticheskiy-shans-rossii--transportnaya-sistema-v-formate-rf.pdf>, accessed 31.01.2019 (in Russian).
- Aristova L.B., Semenova N.K. (2017) *Russia's Geopolitical Chance: a Transport System in the Format of the Russian Federation – the People's Republic of China – Central Asia*, Moscow: Belij veter (in Russian).
- Bajkinova A. (2015) Chinese Miracle. China Is Pushing Russia in Central Asia. *Kapital. Kazakhstan*, October 29, 2015. Available at: <http://kapital.kz/world/44984/kitajskoe-chudo.html>, accessed 31.01.2019 (in Russian).
- Barsky K.M., Salitsky A.I. (2016) The Polycentrism of the Modern World and the New Bipolarity as a Possible Scenario for Global Development. *World and Politics*, no 7(70) (in Russian).
- Bond P. (2016) BRICS Banking and the Debate over Sub-imperialism. *Third World Quarterly*, vol. 37, no 4, pp. 611–629. DOI: 10.1080/01436597.2015.1128816
- Feng Huiyun (2015) *Will China and Russia Form an Alliance Against the United States?* Copenhagen: Danish Institute for International Studies. Available at: http://www.diis.dk/files/media/publications/publikationer_2015/diis_report_07_the_new_geostrategic_game_web.pdf, accessed 31.01.2019.
- Fu Ying (2016) How China Sees Russia. *Foreign Affairs*, vol. 95, no 1, pp. 96–105. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2015-12-14/how-china-sees-russia>, accessed 31.01.2019.
- Godement F., Vasselier A. (2017) *China at the Gates: a New Power Audit of EU-China Relations*, The European Council on Foreign Relations.
- He Chuanqi & al. (2011) *Overview Report on Modernization in the World and China (2001–2010)*, Moscow: Ves' mir (in Russian).
- How China's Economic Aggression Threatens the Technologies and Intellectual Property of the United States and the World (2018). *White House Office of Trade and Manufacturing Policy*, June 2018. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2018/06/FINAL-China-Technology-Report-6.18.18-PDF.pdf>, accessed 31.01.2019.
- Key Indicators for Asia and the Pacific (2018). *Asian Development Bank*, September 2018. Available at: <https://www.adb.org/publications/key-indicators-asia-and-pacific-2018>, accessed 31.01.2019.
- Lapin N.I. (2012) Measurement of the Modernization of the Russian Regions and the Socio-cultural Factors of Its Strategy. *Sociological Studies*, no 2, pp. 4–23. Available at: http://www.isras.ru/files/File/Socis/2012_9/Lapin.pdf, accessed 31.01.2019 (in Russian).
- Mikheev V., Lukonin S., Chzhe S. (2015) Multivariance: Xi Jinping's Big Strategic Answer. *World Economy and International Relations*, vol. 59, no 12, pp. 5–14. Available at: https://www.imemo.ru/jour/meimo/index.php?page_id=685&id=7103, accessed 31.01.2019 (in Russian).
- Navarro P. (2007) *The Coming China Wars. Where They Will Be Fought and How They Can Be Won*, Moscow: Vershina (in Russian).

Navarro P., Autry G. (2017) *Death by China: Confronting the Dragon – A Global Call to Action*, Moscow: Sinosphere (in Russian).

Rumer E.B. (2017) Russia's China Policy: This Bear Hug Is Real. *Russia-China Relations: Assessing Common Ground and Strategic Fault Lines. The National Bureau of Asian Research (NBR)*. Special Report, no 66, pp. 13–25. Available at: https://carnegieendowment.org/files/SR66_Russia-ChinaRelations_July2017.pdf, accessed 31.01.2019.

Salitsky A.I., Potapov M.A., Zhao Xin (2016) China: a New Phase of Development. *Perspektivy*, February 22, 2016. Available at: http://www.perspektivy.info/oykumena/azia/kitaj_novaja_faza_razvitiya_2016-02-22.htm, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Salitsky A.I., Semenova N.K. (1) (2016) Russia and the Eurasian Project of China. *Asia and Africa Today*, no 7, pp. 2–10. Available at: https://asaf-today.ru/images/AA_nomers/2016/201607/Salickiy%20Rossiya%20i%20kitaiskiy%20proekt.pdf, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Salitsky A.I., Semenova N.K. (2) (2016) China's Silk Offensive. *Perspektivy*, January 11, 2016. Available at: http://www.perspektivy.info/book/shelkovoje_nastuplenije_kitaja_2016-01-11.htm, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Schlesinger-Jr. A.M. (1992) *The Cycles of American History*, Moscow: Progress-Academy (in Russian).

Semenova N.K. (2018) *Russian-Chinese Interaction in Central Asia: Oil and Gas Aspects*, Moscow: Institute of Oriental Studies (in Russian).

Sutter R. (2018) China-Russia Relations. Strategic Implications and U.S. Policy Options. *The National Bureau of Asian Research (NBR)*. Special Report, no 73. Available at: https://www.nbr.org/wp-content/uploads/pdfs/publications/special_report_73_china-russia_cooperation_sep2018.pdf, accessed 31.01.2019.

Taylor I. (2007) *China and Africa: Engagement and Compromise*, New York.

Vinogradov A.O., Salitsky A.I. (2017) BRICS: on the Road to Partnership. *Perspektivy*, November 2, 2017. Available at: http://www.perspektivy.info/oykumena/ekdom/briks_na_puti_k_partnerstvu_2017-11-02.htm, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Wang Jikuan (1988) *The Preface to the Monograph by Lu Linshu «Wai Xiangxing Jingji Yu Zhongguo Jingji Fazhan»* [Open Economy and Development of the Chinese Economy], Beijing (in Chinese).

Weitz R. (2017) Sino-Russian Security Ties. *Russia-China Relations: Assessing Common Ground and Strategic Fault Lines. The National Bureau of Asian Research (NBR)*. Special Report, no 66, pp. 27–36. Available at: https://carnegieendowment.org/files/SR66_Russia-ChinaRelations_July2017.pdf, accessed 31.01.2019.

Yan Xuetong (2013) *Inertia of History: China and the World in the Next Ten Years*, Beijing: China CITIC Press.